

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-42-65

Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин:
судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов»
(культурологический аспект)

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kurukin@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути не самого знаменитого из «птенцов» Петра I – графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина (1698–1742). Благодаря изъятым после его ареста документам можно восстановить извилистую биографию человека «второго плана». Мусин-Пушкин, несмотря на аристократическое происхождение, вполне вписался в петровское общество: получил заграничное образование, состоял в гвардии, пробовал себя на дипломатической службе, в целом успешно работал провинциальным губернатором и чиновником центрального аппарата. В «политику» с ее интригами и «партиями» граф не стремился, но на излете царствования суровой Анны Иоанновны попал под следствие, завершившееся смертным приговором и конфискацией имущества с последующей заменой казни ссылкой в Соловецкий монастырь. Следственные материалы демонстрируют нестабильность в высших эшелонах общества, когда даже лояльные функционеры в одночасье теряли карьеру, имущество, а иногда и жизнь.

Ключевые слова: Петр I, П.И. Мусин-Пушкин, А.П. Волынский, Анна Иоанновна

Для цитирования: Курукин И.В. Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов» (культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 42–65. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-42-65

© Курукин И.В., 2024

Count Platon Ivanovich Musin-Pushkin.
The fate of a nobleman of the “palace coups epoch”
(cultural aspect)

Igor V. Kurukin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kurukin@mail.ru*

Abstract. The article is about the life path of not the most famous of the “fledglings” of Peter the Great – Count Platon Ivanovich Musin-Pushkin (1698–1742). Thanks to the documents seized after his arrest, it is possible to restore the tortuous biography of a man of the “second plan”. Musin-Pushkin, despite his aristocratic origin, completely fit into Peter’s society: he was educated abroad, served in the guard, tried his hand at the diplomatic service, and generally successfully worked as a provincial governor and an official of the central apparatus. The count did not seek “politics” with its intrigues and “parties”, but at the end of the reign of the stern Anna Ioannovna he came under investigation, which ended with a death sentence and confiscation of property, followed by the replacement of the execution by exile to the Solovetsky monastery. Investigative materials demonstrate instability in the upper echelons of society, when even loyal functionaries lost their careers, property, and sometimes their lives overnight.

Keywords: Peter I, P.I. Musin-Pushkin, A.P. Volynsky, Anna Ioannovna

For citation: Kurukin, I.V. (2024), “Count Platon Ivanovich Musin-Pushkin. The fate of the nobleman of the ‘palace coups epoch’ (cultural aspect)”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 42–65, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-42-65

Родившийся в 1698 г. сын графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина начал жизненный путь с учебы за границей. В январе 1711 г. Платон и его младший брат Аполлос стали студентами университета в Галле, но до того успев поучиться в гимназии Бреслау [Андреев 2005, с. 123, 362]. Затем последовало путешествие по Европе, что еще не скоро стало обычным делом для знатного юноши XVIII столетия.

По возвращении Платон был зачислен в гвардейский Преображенский полк, что уже было традицией-привилегией отпрысков знатных семейств. Строевой службой «недоросль» не занимался – Петр I, в шутку называвший его «племянником», использовал его «на посылках». Молодой гвардеец носился по Европе: в Пирмонт на «воды», в Гамбург, Кельн, голландские города, Париж, Копен-

гаген, Берлин, Кассель. Перебрасывая своих «птенцов» с военного на гражданское поприще, на флот, за границу, на следствие о хищениях, царь отбирал наиболее хватких и на все способных помощников. Но дипломатом граф так и не стал, да и не очень хотел – не раз просил, «дабы меня отсюда паки в отечество мое взяли». Государь, хорошо разбиравшийся в людях, видимо, понял это и больше Мусина-Пушкина за границу не посылал.

Царь по-прежнему благоволил к «племяннику» – в сентябре 1721 г. стал посаженным отцом на его свадьбе с Марфой Черкасской, состоявшейся вскоре после смерти первой жены Марии Ржевской. Отныне гвардеец Мусин-Пушкин нес не слишком обременительную службу при герцоге Голштинском, сопровождал его на балы и прочие увеселения с обильными возлияниями. Но «молодой граф Пушкин» проявлял воздержанность, удивлявшую его немецких подопечных. На петровских празднествах он не напивался, а притворялся пьяным, «чтоб не пить более и смотреть на дурачества других»¹.

Светские обязанности Платон Мусин-Пушкин исполнял до конца царствования Петра I. После смерти государя он получил повышение – стал в 1725 г. капитан-поручиком гвардии. «Сверхкомплектный» офицер был отправлен в помощь отцу, исполнявшему обязанности московского градоначальника, и «перечислен» в статские советники. Для бывшего царского курьера-дипломата настала пора административной рутин. Он контролировал золочение иконостаса в церкви Петра и Павла, описывал товары прибывшего в Москву казенного китайского каравана и отчитывался об их продаже. В марте 1726 г. он безрезультатно просил о пожаловании в действительные статские советники; в июле с тем же успехом просился в годовой отпуск к своим «разоренным имениям»².

Наконец, о Мусиных-Пушкиных вспомнила Екатерина I. Им предстояло выполнить важное задание – организовать выпуск 2 млн медных пятаков (они чеканились на 40 руб. из пуда меди при рыночной цене 8–10 руб. за пуд). Указом от 7 марта 1727 г. императрица подчинила денежные дворы новому учреждению – Монетной конторе. «Первым членом» конторы был утвержден московский губернатор А.Л. Плещеев, а В.Н. Татищев и П.А. Мусин-Пушкин вместе с отцом вошли в ее состав в сентябре [Юхт 1985, с. 195]. Татищев с Плещеевым ладил, но отношения с Мусиными-Пушкиными у него не складывались. Однако, несмотря на разногласия,

¹ *Фоккеродт И.-Г., Берхгольц Ф.-В.* Неистовый реформатор. М., 2000. С. 183.

² РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 78. Л. 450, 497.

работа шла: в октябре 1727 г. Иван Алексеевич доложил Верховному тайному совету об изготовлении монет на сумму 1 919 500 руб.³

В феврале 1728 г. при коронации Петра II Платон получил генеральский чин действительного статского советника. Спокойная служба была прервана неожиданными событиями во время междоусобия после смерти юного императора в январе 1730 г. Вместе с другими дворянами Епафродит и Платон Мусины-Пушкины вместе с отцом выслушали оглашённые в Кремле 2 февраля 1730 г. «кондиции» и удостоверили ознакомление своими подписями.

Едва ли Мусины-Пушкины, как и другие представители знатного «шляхетства», одобряли всевластие Верховного тайного совета, где заправляли фамилии Голицыных и Долгоруковых. Другое дело, насколько серьезно семья разделяла «конституционные» идеи. Однако они вовремя сориентировались: 25 февраля братья оказались во дворце и подписали прошение о восстановлении самодержавия, правда, наград при коронационных торжествах не получили.

Новая императрица отсылала подальше замеченных в подозрительной активности представителей генералитета. Дошла очередь и до Мусина-Пушкина: 18 декабря 1730 г. именным указом он был назначен губернатором в Смоленск, а 31 декабря 1731 г. отправлен еще дальше – в Казань⁴. Начались годы рутинной службы провинциального администратора, ставшей «школой», позволившей ему позднее занять ряд ответственных постов в столице. Но сначала надо было достойно показать себя.

Дело «о правеже штрафа с казанского губернатора из жалования на два месяца за невзыскание табелей о состоянии гарнизона» началось по жалобе Военной коллегии, которая еще в 1731 г. не раз отправляла в Казань указ о присылке соответствующего рапорта. Мусин-Пушкин в феврале 1734 г. оправдывался, что поручение «исправить было невозможно», поскольку комендант в город назначен лишь недавно, а единственный гарнизонный канцелярист был «болен и умре»⁵. Сенаторы сочли объяснение неудовлетворительным и приговорили губернатора к вычету из жалованья, какого он, впрочем, не получал, как и многие другие чиновники того

³ Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, 1726–1730 гг. / Под ред. Н.Ф. Дубровина // Сборник Русского исторического общества. Т. 69. СПб., 1889. С. 481.

⁴ Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском Сенатском архиве. Т. 2. СПб., 1875. № 3926, 4136.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 399. Л. 610, 613. Требуемый рапорт о состоянии гарнизона граф Платон все же прислал в октябре 1734 г. (см.: Сборник Русского исторического общества. Т. 108. СПб., 1900. С. 430).

времени. Губернаторскую зарплату ему выдали только в 1736 г. уже на новом месте службы и по особому распоряжению Кабинета министров, без которого Сенат сделать это не решился⁶.

В Казани Платон Мусин-Пушкин прослужил четыре с лишним года. За это время умер (в октябре 1733 г.) его брат Епафродит, и его малолетние дети остались на попечение семейства. Но отпускать в столицу младшего власти не торопились; ему по-прежнему приходилось выполнять срочные требования Петербурга: отсылать В.Н. Татищеву грамотных канцеляристов на казенные уральские заводы, определять в службу сосланного за придворные шалости камер-юнкера Ивана Брылкина, вести розыск в казанском цейхгаузе, отправлять к тому же Татищеву 1200 шведских «полоненных» ружей-«фузей». Отчеты об исполнении поступали вовремя, и претензий к губернатору не было⁷.

Процание с Казанью ускорило начавшееся в 1735 г. восстание, вызванное строительством на башкирских землях крепостей и казенных заводов. В этих тревожных условиях нужен был более решительный администратор, чем «статский» Мусин-Пушкин, которого Кабинет решил перевести в Ревель. Именной указ от 21 октября предписывал ему «без всякого замедления» прибыть к новому месту службы⁸. Так с востока империи граф прибыл на ее запад, в недавно присоединенную Эстляндию. Заботы, впрочем, во многом оставались прежними, рапорты о состоянии ревельского гарнизона он представлял вовремя. Вновь пришлось просить о зарплате: Кабинет отправил прошение в Сенат и только в июне 1736 г. назначил Мусину-Пушкину «половинное» (по сравнению с окладом армейского генерал-майора) жалованье, как и другим представителям генералитета на «статских» должностях⁹.

28 апреля 1736 г. Платон Мусин-Пушкин был произведен в тайные советники и вскоре был назначен президентом Коммерц-коллегии, т. е. вошел в состав высшего столичного чиновничества¹⁰. Надо полагать, Анна и ее окружение сумели оценить его

⁶ Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 5415; Сборник Русского исторического общества. Т. 114. Юрьев, 1902. С. 102, 116, 251.

⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 111. Юрьев, 1901. С. 240, 255, 319, 321, 394.

⁸ Там же. С. 412, 417.

⁹ Сборник Русского исторического общества. Т. 114. С. 104, 110, 116, 233, 251; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1915. № 3790.

¹⁰ Сборник Русского исторического общества. Т. 114. С. 186, 351; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 5456, 5575.

исполнительность, добросовестность и отсутствие политических амбиций. Но монаршее доверие нужно было оправдать: 7 января 1737 г. граф в числе других лиц «по высочайше утвержденному реестру» был назначен в состав суда над бывшим «верховником» князем Дмитрием Михайловичем Голицыным. Судьи в тот же день приговорили Голицына за превышение должностных полномочий и «богопротивные» идеи к смертной казни, милостиво замененной вечным заключением в Шлиссельбурге¹¹.

Как вел себя граф во время этого процесса, неизвестно, хотя его едва ли могла порадовать расправа с заслуженным и «фамильным» человеком. Зато другие возложенные на него обязанности он выполнял ревностно. 15 мая 1737 г. «под дирекцию» Мусина-Пушкина была передана Канцелярия конфискаций, ведавшая изъятием, хранением и реализацией движимого и недвижимого имущества осужденных по уголовным и политическим делам.

С этого времени в делах и журналах Кабинета постоянно встречаются присланные Мусиным-Пушкиным предложения и доклады по делам подведомственных ему учреждений. Сразу после назначения в Коммерц-коллегию он подал доношение о выдаче денег за привезенный ремень купцу Якову Маслову. Затем последовал доклад о продаже за границу смольчуга (отборной густой смолы). Президент коллегии защищал интересы подчиненных ей предприятий, отстаивая освобождение приписанных к казенным поташным заводам мужиков от посылки на строительство кораблей; заботился об эффективности работы коллегии, для чего даже предложил в августе 1737 г. «убавить» количество ее членов, но включить в ее состав асессора «из купцов, которые в чужих краях бывали и знают иностранные языки»; он настойчиво просил выдать жалованье своим чиновникам. В следующем году он работал в комиссии, решавшей вопрос, оставить ли горные заводы в казенном владении или передать их в частные руки; последнее было признано более эффективным¹².

На службу президент являлся регулярно. В его бумагах можно встретить черновики отчетов, в которых президент подсчитывал, сколько дел «слушано», сколько протоколов подписано, сколько доношений и промеморий отправлено¹³. На каждом заседании через

¹¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 117. Юрьев, 1904. С. 8–10.

¹² Там же. Т. 114. С. 610–611; Т. 117. Юрьев, 1904. С. 84–85, 487–489, 500; Т. 126. Юрьев, 1907. С. 129–130; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 6627.

¹³ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 52, 53–58.

руки графа и его коллег (Ивана Аленина, Ивана Мелиссино, Ивана Алексеева и секретаря Романа Симонова) проходили десятки дел: о коммерческих спорах иностранных купцов между собой и с российскими партнерами, об условиях продажи казенных товаров, о борьбе с контрабандой (сами купцы доносили на конкурентов), о сборе «домомк» с задолжавших казне. Приходилось порой решать и не вполне обычные задачи – например, оценивать качество верблюжьей шерсти¹⁴, искать в Академии наук переводчиков выписанных из Англии «о банкротах, как с ними тамо поступают, прав» (таковых ни в Коммерц-коллегии, ни в Коллегии иностранных дел не нашлось), добывать для той же Академии образцовый российский аршин для «свидетельствования с английским футом»¹⁵. Они же устраивали и «распродажи» «китайских товаров», привезенных из Сибири казенными караванами¹⁶. При этом президент не имел полноты власти даже в рамках своих полномочий – к примеру, Кабинет министров указывал ему, кому именно из купцов надлежит отдать право на реализацию за рубежом принадлежавших казне товаров. Попытки же взыскать с таких агентов недоимки иной раз пресекались «сверху»¹⁷.

Наиболее ревностно Мусин-Пушкин взялся за преобразование Канцелярии конфискации. Очевидно, его и назначили как раз для того, чтобы обеспечить в этом, как говорили в XVIII в., «интересном» (т. е. связанном с переделом собственности) учреждении относительный порядок. Неслучайно именной указ о назначении давал новому начальнику право по своему усмотрению «перемешать» нерадивых и нечистых на руку чиновников любого ранга.

Судя по докладам самого Мусина-Пушкина, персонал канцелярии работал спустя рукава: конфискованные имущества порой оставались в руках прежних хозяев; контроля за ними не велось, и продавались они неизвестно кому. Чиновники «утрачивали» ценные вещи из конфискованного имущества или покупали их для себя через подставных лиц под самый конец торгов, когда «знатные купцы» уходили и оставались одни «лапотники»¹⁸. Граф принялся за наведение в канцелярии «добраго порядка», о чем свидетельствуют его донесения Кабинету. Новый «директор» подбирал сотрудни-

¹⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. № 3048, 3049: Протоколы Коммерц-коллегии за 1739 г.

¹⁵ Материалы для истории императорской Академии наук: В 10 т. Т. 4. СПб., 1887. С. 388, 608.

¹⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 126. С. 425; Т. 130. Юрьев, 1909. С. 16.

¹⁷ Там же. Т. 117. С. 459; Т. 120. Юрьев, 1905. С. 116–119.

¹⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 24–26.

ков: «выбил» к себе секретаря Петра Зеленого (видимо, отличного специалиста, поскольку за него соперничало несколько ведомств) и подал несколько докладов о штате и жалованье. Бригадира С. Грекова, имевшего репутацию человека честного и «подложно не покупавшего» имений, он предложил оставить во главе столичной канцелярии; туда же назначил ассессором майора А. Потемкина (отца фаворита Екатерины II), а в московскую контору конфискации – статского советника П. Сумарокова и ассессора И. Сукина¹⁹.

Мусин-Пушкин сам провел следствие о «непорядочных делах» подчиненных, по итогам которого в августе и октябре 1737 г. подал в Кабинет доклады о злоупотреблениях советников Ю. Голенищева-Кутузова и И. Кохиуса, ассессора Глазунова, секретаря Бушуева, обер-кригскомиссара Сухово-Кобылина²⁰. Он настоял на привлечении к суду бывшего комиссара Канцелярии конфискации Г. Языкова и на взыскании штрафа за «подложную» продажу деревни генералу В.Я. Левашову. В ноябре 1739 г. Платон Иванович представил Кабинету доклад о провинциальных чиновниках, кои по-тихому сумели распорядиться отписными деревнями и доходы с них собирали «себе»²¹. Новый начальник поднял прежние дела купцов Р. Чиркина, Г. Ковылина и других, в том числе «винных подрядчиков» М. Бронницкого «с товарищи», с которых предложил потребовать недоплаченное казне с 1718 г. Купцы пытались уменьшить размеры недоимок. В конце концов недостающие суммы граф решил взыскать с виновных Голенищева-Кутузова и Кохиуса, предоставив им самостоятельно разделяться с неисправными должниками²².

На Канцелярии конфискации лежала также обязанность взыскивать недоимки по налогам, что в условиях войны с турками и финансового дефицита делало работу Мусина-Пушкина крайне важной для правительства Анны Иоанновны. Периодически он подавал доношения о «доимках», которые ему предписывалось «править», и рапорты о «собранной денежной казне»²³. Полученные средства тут же передавались Военной коллегии или Артил-

¹⁹ Сборник Русского исторического общества. Т. 117. С. 305, 313–315; Т. 120. С. 35, 55, 63, 133, 142, 143, 160.

²⁰ Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. № 5169, 5406.

²¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 130. С. 537.

²² Там же. Т. 117. С. 653, 737, 757; Т. 120. С. 250–253, 339, 340, 360; Т. 130. С. 151.

²³ Там же. Т. 117. С. 529; Т. 120. С. 417, 474; Т. 130. С. 76, 77; РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 36–48.

лерийской конторе на экстренные расходы, после чего необходимо было проводить «счеты» с этими учреждениями²⁴.

Не все предложенные графом меры осуществлялись; тогда он делал Кабинету запросы (например, с кого и каким образом надлежит взysкивать недоимки по судебным пошлинам начиная с 1719 г.), требовал разрешить взимать казенные долги с важных «персон» и настаивал на скорейшем определении в подведомственную ему канцелярию «комиссаров» и «приемщиков», без которых, писал он в июле 1738 г., «конфискованным имениям продажи и поныне не имеется». Однако нужных чиновников за несколько месяцев не сумели найти. Упорный граф бомбардировал Сенат и Кабинет справками, в которых указывал количество отправленных им «доношений», на которые не получил ответа²⁵.

Он был администратором усердным, но не слишком суровым. Составленная в 1742 г. ведомость о доходах Канцелярии конфискации за предыдущие годы показывает, что сборы ведомства Мусина-Пушкина не росли, а падали: в 1736 г. государство получило от него 27 563 руб. 35 коп., в 1737-м – 17 690 руб. 20 коп., в 1738-м – только 9406 руб. 93 коп., в 1739-м – 18 547 руб. 80 коп. Зато выросли сборы недоимок – в 1738 г. они составили 38 466 руб.²⁶

Протоколы Канцелярии конфискации показывают ее вполне рутинную деятельность по «штрафованию» нерадивых воевод и чиновников, взysканиям с недобросовестных или прогоревших подрядчиков казны, выявлению «похищений» государственных средств, взиманию недоимок. Дела о конфискациях в царствование Анны показывают, что имения и дворы отбирались не у «патриотов», а за невыполнение подрядных обязательств по отношению к казне, долги по векселям, «похищение казны». Трудно причислить к жертвам «бироновщины», например, московского «канонира» Петра Семенова, продававшего «налево» гарнизонные пушки, или разбойничавшего на Муромской дороге помещика Ивана Чиркова²⁷.

²⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 120. С. 303, 304, 432, 473–475; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. № 5. С. 414.

²⁵ Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Т. 3. Ч. 1. № 5277; Сборник Русского исторического общества. Т. 117. С. 486; Т. 120. С. 271; Т. 124. Юрьев, 1906. С. 75, 409–411; Т. 126. С. 308, 413–416; Т. 138. Юрьев, 1912. С. 21.

²⁶ РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Д. 12960. Л. 5 об., 38 об. – 49.

²⁷ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 35293. Л. 7 об; Д. 51926. Л. 8; Ф. 248. Оп. 5. Д. 234. Л. 599–604, 896–913: Списки конфискованных имений с указанием причин конфискации.

Новый начальник стремился сделать работу ведомства более эффективной и прозрачной. Он поставил вопрос, как определять цену продаваемых имений – по предполагаемому доходу с них или по оценке на торгах; установил новый порядок учета конфискованного добра и правила продажи серебряной посуды (золотые и серебряные монеты указал сразу передавать в Монетную контору – очевидно, во избежание соблазна для подчиненных)²⁸; требовал от персонала обязательной публикации известий о предстоящих распродажах «отписных пожитков» и предложил тем, кому стало известно о покупке конфискованного имущества служащими канцелярии, «объявить» об этом за вознаграждение²⁹.

Верховная власть оценила работоспособность и активность Платона Ивановича. 21 мая 1739 г. он стал сенатором, а 9 ноября был назначен руководить Коллегией экономии синодального ведомства, обеспечивавшей поступление в казну доли доходов от церковных и монастырских имений. Ознакомившись с делами, Мусин-Пушкин, как и в Канцелярии конфискации, заменил чиновников и определил размеры недоимки с архиерейских домов в 100 000 руб., о чем доложил императрице 4 января 1740 г.³⁰ 6 марта он представил Анне Иоанновне новый доклад, где обвинил духовенство в корыстолюбии, из-за которого на «заопределенных» вотчинах накопились недоимки, и предложил передать эти владения в распоряжение Коллегии экономии, чтобы она не только ведала управлением и сбором доходов, но и вела в них хозяйство. Параллельно он успел выяснить, какие именно синодальные села были ранее отданы приятелю Петра II Ивану Долгорукову, предоставил сведения о доходах и расходах архиерейских дворов и выяснил размеры недоимки с Новоиерусалимского монастыря; в качестве члена «комиссии для размножения конских заводов» предложил Кабинету собрать на казенные заводы породистых кобыл с синодальной области, епархиальных и монастырских владений³¹.

Перегруженный массой дел, Мусин-Пушкин находил время регулярно заседать в Сенате, о чем свидетельствуют его подписи под

²⁸ Андреевский И.Е. Канцелярия конфискации 1729–1780 // Русская старина. 1881. № 6. С. 178; Сборник Русского исторического общества. Т. 117. С. 411, 582, 609, 697; Т. 120. С. 408, 491; Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 2. № 6552.

²⁹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 6. Л. 26.

³⁰ Там же. Л. 88.

³¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 130. С. 469, 470; Т. 138. С. 9, 73, 182.

протоколами и решениями по запутанным судебным делам³². Но зато на заседаниях Коллегии экономии, где обсуждалась обычная текучка, он появлялся нечасто, оставляя вместо себя родственника, который подписывал протоколы: «Иван Мусин-Пушкин»³³. Сам же начальник только изредка требовал доставить к себе ведомости о синодальных расходах или конкретные судебные дела.

25 апреля 1740 г. императрица наложила на доклад графа резолюцию: «Учинить по сему представлению». Это решение означало фактическую секуляризацию церковных вотчин. Мусин-Пушкин сразу же распорядился послать во все вотчины новых «управителей и комиссаров», чтобы провести перепись населения и хозяйства, принять по этим описям все имущество от прежних управителей и выслать их из вотчин.

Удачная карьера «фамильного» русского вельможи во времена пресловутой «бироновщины» вовсе не так парадоксальна, как кажется на первый взгляд. Младший Мусин-Пушкин ни о какой оппозиции существовавшей в России «форме правления» не мечтал, достойно выдержал испытание губернаторством и вписался в круг высших администраторов того времени. В 20–30-е годы с политической сцены сошли крупные фигуры, представители старшего поколения петровских выдвиженцев: А.Д. Меншиков, И.И. Бутурлин, А.В. Макаров, П.П. Шафиров, Ф.М. Апраксин, Я.В. Брюс, П.А. Толстой, старшие братья Голицыны, В.Л. и В.В. Долгоруковы, П.И. Ягужинский; одни из них умерли или в силу возраста отошли от дел, другие пробились к вершине власти, но стремительно скатились с нее в политическое небытие. Их наследники, в отличие от ходивших в атаки, строивших корабли и заседавших на «всеобщем соборе» отцов, уже не являлись реформаторами. Теперь были востребованы служилые и верноподданные, а главной политической наукой стали придворные «коньектуры».

Фаворит императрицы Бирон поддерживал таких ревностных слуг государства, как обер-секретарь Сената Иван Кирилов или обер-прокурор Анисим Маслов, что, кстати, не является доказательством его стремления к процветанию России. Верховная власть объективно нуждалась в добросовестных и компетентных деятелях «второго ряда», своими трудами раздвигавших границы

³² Там же. Т. 130. С. 117, 224, 231, 232, 255, 271–273, 287, 299, 306, 334, 370, 437, 447, 451, 459, 485, 508, 525, 531, 619, 621, 626, 630, 675, 676; Т. 138. С. 15, 17, 41, 58, 60, 88, 156, 165, 205, 217, 223–228, 231, 237, 249, 254, 256, 258, 265, 270, 275, 280, 286, 323, 340, 347, 371, 390, 392, 398, 400, 404, 459, 519, 561, 564.

³³ РГАДА. Ф. 280. Оп. 4. Д. 126. Л. 2 и сл.

империи, обеспечивавших относительный порядок в системе управления и особенно в финансах, разоблачавших промахи и злоупотребления других администраторов. Этих патриотов всегда можно было использовать в борьбе за власть и влияние. Фаворит же для них являлся, по словам Кирилова, «скорым помощником», при поддержке которого можно было получить царскую санкцию и запустить механизм исполнения «полезных дел», чтобы нужные решения не «залежались» в очередной канцелярии.

Правда, покровительство оказывалось при обязательном условии – повседневной демонстрации преданности в духе времени. А здесь-то граф должным образом себя не проявил. Среди бумаг Бирона отсутствуют доношения или просьбы Мусина-Пушкина, подобные прошению о выдаче жалованья его ровесника, московского губернатора князя Б.Г. Юсупова: «Впредь рабственно ноги целую, и прославлять высочайшее имя вашей высококняжеской светлости и милость до смерти не престану». От придворных и выслужившихся чиновников графа отличало еще одно обстоятельство: он был богат, а потому чужд «хищениям» и выпрашиванию «пенсион» или иных подачек.

К закату своей карьеры Платон Иванович был владельцем 9576 душ – около 20 тысяч крепостных обоего пола, что делало его одним из богатейших людей России [Троицкий 1972, с. 97–110]. Он бережно хранил переписку с управляющими и приказчиками, которая, хотя и частично утраченная и попорченная в результате небрежного обращения в подвалах Тайной канцелярии, все же отражает географию владений графа и круг его хозяйственных интересов. Его вотчины были сосредоточены в нечерноземном центре: села в Ржевском (Мельницы), Галицком (Бушнево), Вологодском (Толстиково), Ярославском (Сменцово), Симбирском (Ивановское), Рязанском (Полоски, Парши и Локны), Костромском (Рождественское) уездах. Множество владений было у него в Новгородской губернии, а основными хозяйственными центрами оставались унаследованный от отца подмосковный комплекс и родовое село Угодичи под Ростовом.

Барин требовал от приказчиков регулярной присылки отчетов о сделанных заготовках и расходах, которые (например, «тетрадь учета Сакульского погоста») проверял и хранил вместе с другими бумагами; сам же нередко отвечал на доклады управляющих «милостивому государю, графу Платону Ивановичу». Его, как любого другого землевладельца, огорчали случаи бегства мужиков, которых, правда, вернуть ему было легче, чем рядовому помещику. «А что изволите писать о присылке ко мне моево беглого крестьянина на караблях, и о сем ваше превосходительство покорно прошу,

чем я весьма доволен», – писал он 3 мая 1740 г. неизвестному чиновнику Военной коллегии³⁴. Важной персоне крепостного можно было доставить и на военном корабле...

Граф был рачительным хозяином: строил в своих владениях церкви, приказывал вовремя ремонтировать мельницы, а на своем «приморском» дворе сдавал купцу Фоме Молчину в аренду место под «пивную и медовую продажу», очевидно, в летний сезон дававшую неплохой доход. В селе Рожествено он открыл школу, где в 1738 г. учились грамоте четверо крестьянских ребят и один из них, по доношению приказчика, уже выучился писать – скорее всего, так барин готовил будущих крепостных управленцев.

Оборотистые крестьяне ростовской вотчины, издавна промышлявшие огородничеством, состояли на денежном оброке и платили хозяину с 986 душ 31 руб. 13 коп. Хлеб же в Москву и Петербург шел из южных рязанских вотчин. Подмосковные деревни поставляли сено для конюшни, мясо и кожу; там имелось образцовое животноводческое хозяйство, за которым Мусин-Пушкин следил и близко к сердцу принял известие о падеже сразу трех коров холмогорской породы.

Свежее масло хозяин получал с расположенной рядом с Петербургом «Клопицкой мызы». А костромские мужики обязаны были поставлять к барскому двору белорыбицу и осетрину. Судя по подробностям хозяйственной переписки, граф был знатоком и любителем рыбы – требовал присылать осетров размером не меньше полутора аршин, а стерлядей не меньше аршина, причем целых 30 штук. Пришлось приказчику почтительно доложить, что «только количества сыскать не можно» – не успели стерлядки вырасти до потребного размера³⁵. Доставляли такую рыбку в северную столицу живой, поскольку у графа на воде стояла целая барка-бассейн для ее хранения.

Все эти и другие «припасы» (вино, холст, крупа, мука, сало, мясо, птица, мед, пух, щетина) направлялись в обе столицы, где были расположены резиденции графа – шесть дворов в Москве (включая купленное в 1726 г. загородное владение в Лужниках) и пять в Петербурге (включая «приморский»). Главными среди них считались московское родовое гнездо на Арбате в приходе церкви Бориса и Глеба и каменный дом на Мойке в Петербурге.

Как полагалось вельможе, граф Платон Иванович жил «пышно». Согласно «росписи денежного жалования служителей дому его сиятельства» 1730 г., в его московских владениях состояли на

³⁴ РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 54. Л. 1.

³⁵ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Ч. 3. Л. 3, 9–10, 14.

службе 11 конюхов, 11 поваров, 9 лакеев, 4 дровосека, 5 столяров, 2 кузнеца, 2 «оловянщика», портной, «оконешник» и неуставленное количество «девок и вдов», обслуживавших барское хозяйство; имелись также калмыки и «киргизы», а также купленный по случаю мальчик-персиянин из оккупированных иранских провинций³⁶. «Разбор» дворовых петербургской резиденции после ареста имущества Мусина-Пушкина в 1740 г. показал, что их было около сотни. Описи конфискованного в 1740 г. имущества Платона Ивановича дают возможность представить обстановку его столичной резиденции.

На большом пространстве городской усадьбы (граф «прихватил» к ней два соседних пустующих «места») размещались конюшня, каретный двор (в распоряжении владельца были две кареты, две «полуберлины» и четыре коляски) и речных шхербота. Просторные комнаты были декорированы шпалерами и картинами (портретами государей и менее официальными – «Птицы и дерева», «Птицы петухи» «5 картин разных животных») вместе с 23 иконами и оправленным в серебро Евангелием, зеркалами в золоченых рамах, часами. К последним граф был явно равнодушен и специально приобретал дорогие механизмы: «золотые с репетиром», серебряные, «столовые» в хрустальном футляре. Быт хозяина и его домочадцев украшали разнообразные «шкатулы» и табакерки; на стол в особых случаях выставлялась дорогая серебряная и фарфоровая посуда; на каждый день имелась попроще – стеклянная и медная «англинской работы». Должно быть, в качестве надежного вклада семейство держало дома почти 8 пудов серебра.

Хозяйке и дочерям принадлежали «алмазные вещи» общей стоимостью 20 тысяч руб. Гости могли по достоинству оценить винный погреб с сотнями бутылок шампанского, бургундского, венгерского, секта, киршвейна и английского пива. Среди обеденных яств была не только свежая рыба, но и деликатесы с ревельской таможни: бочонок винограда, три бочонка яблок, а также «33 утенка и 25 гусенков», полученные в 1737 г. Дом Мусина-Пушкина имел поместительную оранжерею с вишневыми и «помаранцевыми» деревьями, кустами «розанов» и «розмаринов».

Что же касается духовных запросов графа, то о них дает представление его библиотека. Большинство из 237 книг (128 названий) было издано в петровское время и попало к Платону Ивановичу от отца, руководившего Монастырским приказом и типографиями. Историческая литература составляет почти четверть названий, а в целом книги по гуманитарным наукам – треть, что, видимо,

³⁶ Там же. Л. 43–48.

отражало наклонности владельца. Подбор книг по военному и морскому делу, географии, истории не оригинален: общие курсы географии, изданные при Петре «Описание артиллерии», «Новая манера укрепления городов...», «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте», «Новое корабельное строение» К. Алларда, «Инструкция и артикулы военные, надлежащие к российскому флоту». Рядом с ними находились традиционные богослужбные издания и такие нужные при дворе Анны Иоанновны и Бирона пособия, как «Совершенный егерь барона Флеминга» или «Руководство по выезде лошадей» герцога Ньюкасла. «Беседы Иоанна Златоустого» соседствовали с «Историей троянской» и «Алкораном турецкого закону» [Луппов 1980, с. 413–415].

Можно, пожалуй, выделить только «Введение в историю европейскую» Самуила Пуфендорфа, из которой можно было почерпнуть сведения о прочих «формах правления» – например, об «аристократии» и «димократии»³⁷. Рядом с сочинениями, вызванными петровскими реформами, граф хранил еще одну «коллекцию»: «святые мощи (27 святых. – И. К.) в сорока двух бумажках с надписями», которые после его ареста были переданы в Синод и в конце концов поступили на хранение в Петропавловский собор³⁸.

Именно такой, умеренно просвещенный и исполнительный, вельможа был востребован в то время. К концу царствования Анны Иоанновны Платон Иванович стал самостоятельной фигурой, инициатором масштабной государственной реформы. Но его затянуло в омут следствия «дело» Волынского.

Артемий Петрович Волынский сделал при Анне удачную карьеру, однако быстро вышел из роли «креатуры» Бирона, что в итоге привело его к «падению». У нетерпеливого кабинет-министра не хватало умения приспосабливаться к стилю руководства государыни; он горячился, в раздражении заявлял, что «резюлюции от нее никакой не добьешься, и ныне у нас герцог что захочет, то и делает».

Триумфом Волынского стало празднество с Ледяным домом и шутовской свадьбой. Но сразу после успеха Бирон нанес ему удар. В челобитной на августейшее имя российский обер-камергер и курляндский герцог обвинил кабинет-министра в сочинении поданного императрице письма против тех, кто «к высокой вашего императорского величества персоне доступ имеет», в котором

³⁷ Пуфендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С. 10.

³⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. 22. М., 1914. С. 1079–1080.

тот возвел «напрасное на безвинных людей сумнение». Бирон также напомнил государыне, что дебошир Волынский осмелился 6 февраля 1740 г. «в покоях моих некоторого здешней Академии наук секретаря Третьяковского (поэта В.К. Третьяковского. – *И. К.*) побоями обругать» и делал это даже в «апартаментах вашего императорского величества», а это уже можно было расценить как оскорбление императрицы³⁹. Волынскому запретили являться ко двору, 12 апреля заключили под домашний арест, а через три дня начали допрашивать.

Его могло ждать обычное в таких случаях «падение» в виде ссылки в армию или в «деревни» с последующим прощением и отправкой на вице-губернаторство куда-нибудь в Сибирь. Но вокруг него сложился кружок единомышленников; его «конфидентами» стали в основном «фамильные», но образованные люди: архитектор Петр Михайлович Еропкин, горный инженер Андрей Федорович Хрущов, морской инженер и ученый Федор Иванович Соймонов, секретарь императрицы Иван Эйхлер.

Компания собиралась по вечерам в доме Волынского на Мойке, рассуждала на разные темы: «о гражданстве», «надлежит ли иметь мужским персонам дружбу с дамскими», «каким образом суд и милость государям иметь надобно». Интеллектуальные беседы подвинули министра на сочинение проекта, который он сам на следствии называл «Рассуждением о приключаящихся вредах особе государя и обще всему государству и отчего происходили и происходят». Отдельные части проекта не только обсуждались в кружке, но даже «публично читывались» в более широкой аудитории.

Волынский «переправливал» свое сочинение вплоть до самого ареста, затем черновики сжег, а переписанную набело часть предоставил в Тайную канцелярию, где этот пакет и сгинул⁴⁰. Сам проект трудно назвать крамольным – он носил сугубо бюрократический характер и находился в тех же рамках петровской системы, которые пытались несколько раздвинуть «шляхетство» в 1730 г. Прощумевшие «дворские бури» оказали деморализующее влияние на «благородное» общество. На первый план выходил не способ осуществления преобразований, а то, чья «партия» будет в милости. Такие перестановки могли осуществиться либо путем интриг и «организации» соответствующего решения монарха, либо с помощью дворцового переворота.

³⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 196. Л. 1–6.

⁴⁰ *Готье Ю.В.* Проект о поправлении государственных дел А.П. Волынского // Дела и дни. 1922. № 3. С. 23–27; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 200. Л. 10; Д. 201. Л. 7 об., 15; Д. 203. Л. 3 об., 13 об. – 14 об.; Д. 221. Л. 17, 19.

Планы Волынского так и были истолкованы следователями; дворецкий подозреваемого Василий Кубанец не только выдал его служебные преступления (министр был взяточником), но и обвинил хозяина в намерении «сделать свою партию и всех к себе преклонить; для того ласкал офицеров гвардии и хвастался знатностью своей фамилии, а кто не склонится, тех де убивать можно». Еропкин и Соймонов на пытке подтвердили показание Кубанца о намерении Волынского произвести переворот⁴¹.

Первый допрос Мусина-Пушкина состоялся 30 мая 1740 г., вел его сам начальник Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков. Заготовленные вопросы показывают, что следователей больше всего интересовал не проект Волынского, а то, какие «непристойные слова» были им и прочими участниками кружка сказаны про Анну, в чем заключалось «явное предсуждение» российских порядков и «какую злобу имели» они по этому поводу. Кроме того, власти интересовались, зачем граф Платон Иванович посещал уже помещенного под домашний арест кабинет-министра, когда уже всем было ясно, что тот находится в опале.

Поначалу Мусин-Пушкин отрицал какое-либо участие в «противных делах»; признавал, что с Волынским встречался часто, но утверждал, что их разговоры вращались вокруг «награждений» и текущих дел; проект Волынского «видел и слышал», но участия в его составлении не принимал⁴². На протоколе допроса подследственный уверенно расписался: «Граф Платон Мусин-Пушкин руку приложил».

Но к тому времени следователи уже располагали показаниями самого Волынского и его «конфидентов» о том, что граф «ведал» о проекте, был «одного мнения» с другими и даже об «опасности от того ему, Волынскому, он, Платон, представлял». Мусин-Пушкин поначалу заявлял, что «не упомнит», но затем шаг за шагом признавал, что предоставлял Волынскому документы и ведомости своей коллегии; вспоминал, что кабинет-министр позволял себе критические высказывания: что «его высококняжеская светлость владеющей герцог Курляндской в сем государстве правит, и чрез правление де его светлости в государстве нашем худо происходит», «великие денежные расходы стали и роскоши в платье, и в госу-

⁴¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 199. Л. 67 об.

⁴² Там же. Д. 200. Л. 6–7. Граф был арестован не сразу – он вместе с коллегами по Сенату еще подписывал его «сообщения» от 24 и 31 мая 1740 г. (см.: Сборник Русского исторического общества. Т. 146. Юрьев, 1915. С. 25, 28).

дарстве бедность стала, а государыня во всем ему волю дала, а сама ничего не смотрит».

На естественный вопрос следователей, почему же не донес, Мусин-Пушкин заявил, что не хотел «быть доводчиком» и даже счел своим долгом заехать к опальному Волынскому «для посещения в болезни». Но, узнав о новой порции признаний Волынского (граф их не ожидал и не был удивлен), он подтвердил свое участие в беседах, затрагивавших честь императорской фамилии: о попытке Бирона женить своего сына на племяннице императрицы Анне Леопольдовне. Волынский не скрывал радости от провала сватовства: если бы оно удалось, то «иноземцы... чрез то владычествовали над рускими, и русские б де в покорении у них, иноземцов, были»⁴³. Этот эпизод стал одним из главных аргументов обвинения в адрес Мусина-Пушкина. В остальном протоколы его допросов выглядят едва ли не самыми скучными по сравнению с «делами» его товарищей по несчастью. Они-то действительно участвовали в разработке проекта Волынского, а граф Платон заверял, что собственных «рассуждений» не делал, с кабинет-министром не спорил «из угождения» ему и в целом «такой злости в себе самом не имел».

Ему не поверили, и на допросе 6 июня в застенке подняли на дыбу и дали 14 ударов; однако ничего нового подследственный не сообщил⁴⁴. В итоге главной виной графа было признано его присутствие при обсуждении проекта, «оуждавшего» государственные порядки и тот факт, что он не только не возражал, но и «прямо притакал и оставался при тех его, Волынского, злодейственных рассуждениях», вместо того чтобы немедленно о них донести⁴⁵.

Анна повелела «более розысков не производить». В обвинительном «изображении о преступлении» ничего не было сказано о якобы готовившемся захвате власти. Старавшиеся отличиться судьи приговорили к четвертованию всех членов кружка Волынского, хотя признали, что Мусин-Пушкин в этой «партии» не состоял. 23 июня императрица утвердила приговор. 27 июня 1740 г. на Сытном рынке столицы Волынского четвертовали, Еропкину и Хрущову отсекали головы. Остальным обвиняемым смертная казнь была заменена вечной ссылкой. Приговор Мусину-Пушкину гласил: «...урезав языка, послать его в Соловецкой монастырь и содержать в наикрепчайшей тамо тюрьме под крепким караулом, никуда не выпуская». По меркам политических процессов аннинского царствования граф Платон был наказан легче всех и даже

⁴³ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 200. Л. 11 об., 12.

⁴⁴ Там же. Л. 18 об.

⁴⁵ Там же. Д. 208. Л. 37–38.

не бит кнутом, как Ф.И. Соймонов. Ему также оказали другую милость: обязательная конфискация имущества не распространялась на родовые владения, которые отходили детям⁴⁶. Причин смягчения приговора мы не знаем, но сам факт наказания с символическим «урезанием языка» – основного орудия преступления – должен был послужить острасткой.

После приговора последовала процедура конфискации и перераспределения движимого и недвижимого имущества – за ним сразу же выстроилась очередь. Генерал-прокурор Н.Ю. Трубецкой первым подал слезную челобитную, в которой просил «для его недостатков и самой крайней нужды» отдать ему дворец графа Платона на Мойке. Другой каменный дом графа на Набережной линии Васильевского острова отошел казне для размещения дворцовых «служителей». «Приморскую» дачу «близ Петергофа» императрица пожаловала фельдмаршалу Миниху; копорскую «мызу» – брату фаворита Густаву Бирону⁴⁷. Но большинство «отписных» земель и душ осталось в дворцовом ведомстве.

С Мусиным-Пушкиным и здесь обошлись относительно милостиво: в казну поступили «только» 8207 душ и 21 036 четвертей земли, а также пять дворов в Москве и четыре (из них два каменных) в Петербурге, да еще приморская «дача». Жене Мусина-Пушкина оставили родовые владения мужа и каменный дом в Москве на Арбате, «а сверх того детям ево обоих жен обще недвижимое имение их прадеда, а ево деда, что за ним, Платоном»⁴⁸. Но зато подчистую отобрали гардероб, и бедная Марфа Петровна безуспешно пыталась отстоять свои платья, «белье и прочие уборы женские». На волю были отпущены восемь «девок» и две вдовы; из 29 женатых «служителей» 16 отправили в армию, восемь – на придворную службу; в солдаты сдали и большую часть (29 из 41) холостых дворовых.

Наличные «пожитки» в ту пору нестеснительно выгребались из домов арестованных. Принадлежавшие графу золотые монеты (638 руб.) и слитки отправили в Монетную контору; туда же поступило золото и серебро из «алмазных вещей» (оцененных в 19 300 руб.) на сумму 5294 руб. 97 коп. Остальные драгоценности остались в Канцелярии конфискации, и их последующая судьба неизвестна. После воцарения Елизаветы Петровны племянники графа Платона претендовали на их часть, но не смогли предоставить письменных доказательств принадлежности требуемых

⁴⁶ Там же. Л. 15, 18 об.

⁴⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 146. С. 321, 322, 417.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 25.

вещей их матери. Правда, при Елизавете наследникам отдали 7 пудов 12 фунтов графского серебра, хранившегося, по-видимому, в слитках.

К дележу в первую очередь допускались избранные. К себе в «комнату» императрица взяла четырех графских попугаев; в Кабинет были переданы два ордена Александра Невского; в Конюшенную контору переехали «каreta голландская», «берлин ревельской», «полуберлины» и коляски. Породистые «ревельские коровы» удостоились чести попасть на императорский «скотский двор», а дворцовая кухня получила целую барку с 216 живыми стерлядями. Герцог Бирон, известный знаток лошадей, лично осмотрел конюшню Мусина-Пушкина, однако не обнаружил ничего для себя интересного и распорядился передать 13 лошадей графа в Конную гвардию⁴⁹. Цесаревна Елизавета отобрала себе «винные» и «помаранцевые» деревья, кусты «розанов» и «розмаринов».

Иностранные и допетровские монеты императрица распорядилась отдать в Академию наук, где нумизматическая коллекция графа помогла разработать научную классификацию древних русских монет. А вот библиотека Мусина-Пушкина в эпоху, когда чтение являлось подозрительным занятием, осталась невостребованной и в 1742 г. по-прежнему хранилась в Канцелярии конфискации.

Остальная гора вещей (по оценке на 14 539 руб. 74 $\frac{1}{4}$ коп.) была пущена с публичных торгов, в результате чего казна до нового переворота успела выручить 6552 руб. да еще получила 1061 руб. 24 коп. «наддачи». Такие «распродажи» привлекали столичную публику: знатные и «подлые» обыватели демократично торговались за имущество опальных.

Гвардейский сержант Алексей Трусов приобрел за 95 руб. «часы золотые с репетициею», семеновский солдат князь Петр Щербатов потратился на золотую «готовальню» (335 руб. при стартовой цене в 200 руб.). Капитан князь Алексей Волконский заинтересовался комплектом из 12 стульев с «плетеными подушками» (12 руб. 70 коп.), а статский советник Федор Сухово-Кобылин прикупил другой комплект, подешевле, с креслом в придачу.

Тайный советник Василий Никитич Татищев пополнил свой винный погреб 370 бутылками «секта» по 30 коп. за штуку, а гвардии прапорщик Петр Воейков скупил 370 бутылок красного вина всего 81 руб. 40 коп., 73 бутылки шампанского по 1 руб., 71 бутылку венгерского по 50 коп., а заодно и 105 бутылок английского пива по 15 коп. Кабинет-министр Алексей Петрович Бестужев-Рюмин выказал более высокие запросы: он купил четыре больших зеркала

⁴⁹ Там же. Л. 6 об.

в «позолоченных рамах» за 122 руб. и еще два «средних» за 30 руб. Те же импортные товары в обычной продаже стоили дороже.

Менее утонченная публика разбирала предметы повседневного обихода и столовые припасы, вплоть до заплесневелых соленых огурцов и рыжиков из кладовых. Никого не заинтересовали картины графа («женщина старообразная», «птицы петухи», «персона короля шведского» и прочие по 3 руб. за штуку). Нераскупленным остался зеленый и черный чай в «склянках» – он еще не стал у россиян популярным напитком. Зато соль, свечи, платки, салфетки, перчатки, одеяла, барская (фарфоровая и серебряная) и «людская» (деревянная) посуда, котлы, сковородки, стаканы, кофейники, ножи расходились влёт. Нашли новых владельцев «немецкие луженые» перегонные кубы, «медная посуда англинской работы» (ее купил бывший подчиненный графа советник Иван Сукин), «меха, чем огонь раздувать», «четверо желез ножных и два стула с чепми» (актуальная вещь для наказания дворовых) и даже господские «унитаз» («судно дубовое, оклеено орехом с двумя ящичками») и ночной горшок («уринник с ложкой и крышкой»).

На распродаже ссыльного графа можно было и приодеться. В.Н. Татищев купил себе суконовый «коришневой» подбитый гродетуром кафтан с камзолом золотой парчи «с шелковыми травами по пунцовой земле» (50 руб.), а другой, похожий, уступил майору гвардии Никите Соковину. Купцы приобретали платье попроще за 10–15 руб. Отличился будущий герой дворцового переворота 1741 г. лейб-медик Елизаветы Петровны Арман Лесток: он скупал дорогие парчовые кафтаны по 80 руб., «серебряные» штаны, поношенные беличьи меха, галуны, бумажные чулки, полотняные рубахи (60 шт. за 60 руб.). Судя по мелькавшим в деле именам и фамилиям, столичный бомонд вполне мог встречаться в бывших графских палатах в одежде с его плеча. Капитаны и поручики гвардии приобретали платья, юбки, шлафроки, кофты, фижмы, «шальки» и белье – надо полагать, чтобы порадовать своих дам; капрал-гвардеец Тютчев торговал даже «ношенные» и «ветхие женские рубахи»⁵⁰.

После экзекуции на Сытном рынке последовали ссылка и заключение в каземате монастырской тюрьмы. Подпоручик гвардии Вындомский, прибывший туда через несколько месяцев для дополнительного допроса, обнаружил узника уже тяжелобольным и харкавшим кровью. К счастью, заключение было недолгим. После

⁵⁰ Приведенные примеры, взятые из «Щетной выписки отписным Платона Мусина-Пушкина пожиткам, которые вступили в оценку», см: РГАДА. Ф. 248. Оп. 110. № 237. Л. 1–143.

кончины Анны Иоанновны герцог Бирон решил отметить свое регентство при младенце-императоре Иоанне Антоновиче милостями и заменил графу Платону монастырскую келью именем жены.

После устранения Бирона правительница Анна Леопольдовна потребовала к себе дело Волынского, а затем Тайной канцелярии было предписано подать «экстракты» обо всех ссыльных в царствование ее тетки⁵¹. Платона Мусина-Пушкина одним из первых было разрешено возвратить из ссылки; но в столицу изувеченный граф не вернулся и не был реабилитирован процедурой «возвращения чести». Очевидно, преемники Анны Иоанновны не могли официально признать несостоятельность ее суда и приговора. Правительница указала вернуть конфискованное имущество графа его наследникам – племянникам Аполлосу и Алексею Епафродитовичам Мусиным-Пушкиным и князю Александру Петровичу Голицыну (сыну его сестры Елизаветы)⁵², что в короткое царствование Иоанна Антоновича так и не было выполнено. Поэтому кредиторы получали удовлетворение своих претензий из денег, вырученных от продажи конфискованного имущества⁵³.

Сам же граф, скорее всего, приходил в себя после пережитого в имениях жены. Там его и застал переворот, возведший на престол Елизавету Петровну. 3 декабря 1741 г. новая императрица разрешила опальному выезжать из деревень и жить в Москве⁵⁴. Окончательная реабилитация затянулась; только 25 июля 1742 г. последовал указ: «Платону Мусину-Пушкину по известному об нем делу вину отпустить и, одобря ево, прикрыв знаменем, шпагу ему отдать и быть в отставке, а к делам ево ни х каким не определять»⁵⁵. В сентябре того же года граф Мусин-Пушкин «при роте Кабардинского полка и при собравшемся народе знаменем прикрыт, и шпага ему отдана». На этом известия о судьбе реабилитированного вельможи обрываются. По-видимому, Платон Иванович скончался в том же году – в деле о возвращении имущества сам он больше не фигурирует.

Вдове и наследникам предстояла долгая тяжба за возвращение перешедших в другие руки имений и частично проданной, частично разбросанной по подвалам казенных учреждений обстановки. Желających добровольно расстаться с «деревнями» и прочим пожалованным или по дешевке приобретенным имуществом не было;

⁵¹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. № 269. Ч. 9. Л. 113, 121.

⁵² Опись высочайшим указам и повелениям... Т. 3. СПб., 1878. № 8324.

⁵³ Там же. № 8218, 8445.

⁵⁴ Там же. № 8687.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. № 208. Л. 7.

только в 1748 г., наконец, последовал указ о выдаче наследникам оставшихся «пожитков», многие из которых к тому времени уже стали «тленными».

Вернуть же имения долгое время не удавалось. Новое царствование возносило к вершине власти новые фамилии, и судьба семейства умершего графа никого не интересовала. Из восьми с лишним тысяч конфискованных душ 4854 оказались розданными; их получили уже приближенные Елизаветы: гардеробмейстер В.Г. Шкурин, шталмейстер П.М. Голицын. Новый канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, когда-то уже прибравший к рукам зеркала из дома Мусина-Пушкина, теперь, несмотря на все предыдущие указы, добился пожалования себе нескольких подмосковных сел графа (Образцово, Горетово, Новорожественно и др. – всего 3141 душа)⁵⁶. Только в 1757 г. Елизавета запретила раздавать еще оставшиеся в дворцовом ведомстве имения Мусиных-Пушкиных.

Опала Платона Ивановича Мусина-Пушкина по-своему типична для аннинского царствования. Правление племянницы Петра Великого заставило дворян забыть о попытках «вольности себе прибавить». В этом, нам кажется, и состояла главная «заслуга» бироновщины перед российским самодержавием. Но даже признавшим такие «правила игры» новые времена ничего не гарантировали: прочное, казалось бы, положение могло в любую минуту обернуться катастрофой – незаслуженной и оттого еще более страшной и позорной опалой...

Литература

- Андреев 2005 – *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX в. М.: Знак, 2005. 432 с.
- Луппов 1980 – *Луппов С.П.* Собрание книг П.И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1979. Л.: Наука, 1980. С. 409–415.
- Троицкий 1972 – *Троицкий С.М.* Оскупке земель А.Д. Меншиковым, А.В. Макаровым и И.А. и П.И. Мусиными-Пушкиными (из истории крупного феодального землевладения в России первой трети XVIII в.) // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 88–102.
- Юхт 1985 – *Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20 – начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985. 367 с.

⁵⁶ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.

References

- Andreev, A.Yu. (2005), *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Russian students at German universities of the 18th – first half of the 19th century, Znak, Moscow, Russia.
- Lupov, S.P. (1980), “Book collection of P.I. Musin-Pushkin”, in *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Ezhegodnik. 1979* [Monuments of culture. New discoveries. Yearbook 1979], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 409–415.
- Troitskii, S.M. (1972), “On the purchase of land by A.D. Menshikov, A.V. Makarov and I.A. and P.I. Musin-Pushkin (from the history of large feudal land ownership in Russia in the first third of the 18th century”, in *Voprosy agrarnoi istorii Tsentra u Severo-Zapada RSFSR* [Questions of agrarian history of the Center and the North-West the RSFSR], Smolensk, USSR, pp. 88–102.
- Yukht, A.I. (1985), *Gosudarstvennaya deyatelnost V.N. Tatishcheva v 20 – nachale 30-x godov XVIII v.* [V.N. Tatishchev's state activity in the 20s – early 30s of the 18th century], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor V. Kurukin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; kurukin@mail.ru